

Кавказские чтения



Научное наследие
Ф.А.Щербины:
казачество
и история Кавказа

КРАСНОДАР

2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приветствие Р.Л. Агабекян</i>	3
<i>Приветствие К.А. Федоренко</i>	5
Громов В.П. Трагические судьбы кубанских казаков в 20–40-е годы XX века	7
Галутво Л.М. К вопросу о научном наследии Ф.А. Щербины	18
Васильев И.Ю. Ф.А. Щербина как социальный философ. <i>Идеи и их развитие</i>	27
Камалян Р.З. Армения – колыбель цивилизации	33
Канделаки Д.А. Хатты. <i>Локализация. Идентификация. Хронология</i>	51
Касландзия Н.В. Динамика административно-территориального деления и структуризация феодального землевладения в Абхазском царстве	71
Кошкокова С.Я. Формирование групп-трансляторов культуры в адыгском обществе в первой половине XIX в.	80
Териявский Н.А. «Уральская» топонимика и этнонимика Кавказа	86
Трёхбратов Б.А. Выборгское воззвание и судьбы кубанских перводумцев	90
Камалян Р.З. Ситуация на кавказском фронте после ухода Русских войск. <i>Нераскрытые страницы Первой мировой войны</i>	95
Петрова-Хорина Н.Н. Забытый герой кубанской прессы	106
Матвеев О.В. «Всегда защищал интересы общества...». Урядник Фёдор Иванов	118
Ремизов И.Н. Онищенко В.Л. Так был ли Вернадский философом?	127
Немченко Г. «Казачий круг». К истории создания документального фильма. <i>Публикация С.Г. Немченко</i>	134
Малахов С.Н., Хлапонина С.В. «Искать надо!» О мемориальной коллекции М.Н. Ложкина в фондах Отраденского историко-археологического музея	139

Бондарь В.В., Маркова О.Н., Устаева Э.Р. Археологический комплекс «Гермонасса – Тмутаракань» как ресурс пространственного и социально-культурного развития Тамани	148
Хагуров А.А. Революционный терроризм в России второй половины XIX века	153
Хагуров Т.А. К вопросу о профилактике экстремизма в молодежной среде	156
Макаренко Ю.Г. Чтобы мир не обрушился в бездну. <i>Штрихи к портрету героя</i>	161
Пояндашоев О.П. Информационно-психологическая война против России. <i>Политическое оружие Запада в XXI веке</i>	168
Борисова О.Г., Костина Л.Ю., Ганыч В.А. Экспедиционные исследования как важнейшее направление изучения кубанских говоров в условиях их редукции	181
Берендюков Б.Н. Казацкие мотивы в «Древних российских стихотворениях, собранных Киришей Даниловым»	194
Казанков В.И. «...Мы... историками быть не собираемся...»	202
Чумаченко В.К. Ф.А. Щербина как автор газеты «Вольная Кубань». <i>Библиографический этюд</i>	206
Немченко Г. Дорогами предков. <i>Размышления бывшего атамана</i> ...	219
<i>Алфавитный указатель авторов</i>	227

ХАТТЫ

Локализация. Идентификация. Хронология.

Д.А. КАНДЕЛАКИ,

младший научный сотрудник
отдела истории Абхазского института
гуманитарных исследований
Академии наук Абхазии.

Республика Абхазия.

Хатты – как один из самых ранних зафиксированных письменными источниками народ – наверное, хронологически относятся ко времени, позволяющему специалистам представить этнокультурную и языковую картину, непосредственно предшествовавшую письменному этапу. Её мы восстанавливаем крайне условно – по данным историко-сравнительного языкознания и археологии. И она даёт нам возможность представить картину этнической и языковой среды эпохи камня и раннего металла – характерную для первобытной ойкумены нашей планеты [5].

Об этом народе мы узнаем благодаря древним письменным источникам, преимущественно религиозным, документам хозяйственным, связанным с военно-политической и социально-экономической историей Анатолии и ряда соседних областей.

Исходя из данных письменных источников – в частности, по установленной хаттской атрибуции культуры Аладжа с её комплексом Аладжа-Гююк, датируемой приблизительно периодом конца энеолита и начала бронзы, мы можем очертить приблизительные территориальные границы хаттов уже ко времени, близкому к историческому (письменный период).

Центральная зона их расселения – излучина реки Кызыл-Ирмак. Это река, известная в древности как река Галис, а ранее у хеттов – река Марасантия. В излучине была наибольшая концентрация хаттского населения. И зона наиболее плотного расположения хаттских поселений. Они заселяли территорию вдоль правобережья р. Галис. Далее – селились к северу, вплоть до верхнего и среднего течения р. Ешиль – Ирмак.

Остается невыясненным: доходил ли ареал массового расселения хаттов до южного побережья Черного моря, до прилегающих к устью – дельте р. Галис областей восточно- и западнопонтийских гор? Отдельные поселения хаттов могли располагаться непосредственно и на Анато-

лийском побережье Черного моря¹. Видимо, хаттами были заняты небольшие многочисленные ущелья рек, стекавших в Галис с южных склонов Понтийских гор. Вероятно, и области между Киликийским Тавром (имеются ввиду северные склоны этой горной системы) и левым берегом р. Галис могли быть заняты хатами. Тем более что эта река преодолима на многих своих участках.

Вероятно, к западу от р. Галис, где-то в районах до озера Туз включительно, также были расположены хаттские поселения. Однако в целом к югу и к западу они постепенно становятся реже. Очевидно, р. Галис, Понтийские горы и горы Киликийского Тавра уже в то время были важным естественно-географическим и этнотерриториальным рубежом, определяющим границу хаттского ареала расселения.

Хатты были континентальным народом. И занимали несколько отличную от Причерноморья экологическую нишу — преимущественно, центрально-анатолийское плато. С более засушливым климатом, жарким летом, суровой зимой. Сложнее сказать об областях к северу и северо-востоку от центрального ареала расселения хаттов — непосредственно в областях, примыкающих к Армянскому нагорью, истокам рек, впадающих в Черное море, включая бассейн реки Чорох.

Очевидно — с учетом расположения в этих областях археологических памятников, типологически схожих с Аладжа-Гююк, у нас есть основания считать: здесь могли быть распространены какие-то горные группы населения, которые этнически были близки хатам. Но об этниче-

¹ Это, в частности подтверждается информацией в хеттских источниках II тысячелетия до н. э.; относящихся хронологически к более позднему, нежели рассматриваемое в статье, времени. Так, *хеттами* называется город Цальпа / Зальпа, населенный, как считают специалисты, хатами; после завоевания хеттами население перешло на неситский язык и, видимо, также было вовлечено в процесс этногенеза хеттов. Возможно, в городе присутствовал и значительный процент населения, говоривший на языке другой западнокавказской группы, — в частности, каски. Но каски появились несколько позднее хаттов, где-то в середине III тысячелетия до н. э. Видимо, хаты контролировали этот город, непосредственно расположенный на побережье Черного моря (Цальпуво море, море Цальпа), в узловом месте пересечения важных торговых коммуникаций, связывавших Понтийское (Анатолийское) Причерноморье с Западным Закавказьем и Центральной Анатолией.

Во времена формирования Канишской торговой организации Цальпа была одним из ключевых звеньев, связывавших Каниш с карумами Причерноморья. Очевидно, хатами велась торговля на этом участке — в качестве посредников между Канишем и Причерноморьем.

ской и языковой природе их мы знаем мало. Либо речь может идти о населении, этнически близком к группам абхазо-адыгским, расположенным далее в Восточном Причерноморье и на Западном Закавказье².

Возможно, нередко указываемые в литературе единичные топонимы, выявляемые на Северном Кавказе (такие как, например, Хатукай или Хатажукай), могут свидетельствовать о нахождении здесь отдельных — правда, незначительных — групп хаттов. Скорее всего это связано с группами хаттских (анатолийских) металлургов... Либо торговцев, селившихся отдельными группами на Кавказском Причерноморье и Прикубанье.

Однако это не означает некоего массового ареала распространения хаттов на Кавказе. Примечательно в подтверждение этого и наличие в абхазо-адыгских языках ряда образных выражений, которые переводятся буквально — как «*ты был в Хатти*», — когда речь идет о долгом отсутствии человека. Абхазо-адыгское население было современником хаттов, обитавших на противоположном побережье Анатолийского Причерноморья. Иначе теории о том, что хатты были исконными обитателями Кавказа, заставили бы пересмотреть многие важные этногенетические концепции касательно их происхождения, миграции. Хатты сформировались как народ в Центральной Анатолии. Возможно, появление их связано, например, с расцветом Балкано-Карпатских энеолитических культур. Вероятно, с учетом известного из археологии факта — взлета энеолитического металлургического производства в Балкано-Карпатской зоне, связанного с импульсом из Анатолии, — можно считать свидетельством проникновения сюда отдельных групп металлургов хаттов, либо каких-то иных представителей западнокавказского этнического мира в Европу [17].

Очевидно, несколько позже — на рубеже ранней и средней бронзы — в западные районы Анатолии стали проникать индоевропейские языки. Пока нет однозначного ответа на то, какие этнические общности занимали области Малой Азии к западу и югу от расселения хаттов — вплоть до средиземноморского и эгейского побережья Анатолии. Для

² Ближе к центральной части Армянского нагорья, включая узел Тигра, Евфрата, Аракса и Куры, и далее на восток и север к бассейнам рек Каспийского моря — находился очаг сложения еще одной общности — *правосточнокавказской*, включая таких ее древних представителей, как хурриты. Осуществлялся процесс хронологически синхронно с зарождением празападнокавказской общности. Граница между ними в общих чертах должна проходить (для Закавказья, во всяком случае) где-то по водоразделам рек Черноморского (западнокавказская общность) и Каспийского (восточнокавказская общность) бассейнов.

периодов конца энеолита и ранней бронзы здесь могли располагаться реликтовые вкрапления, оставшиеся от прасеверокавказского круга³. Возможно, таковой имелся и для областей соседней Эгеиды⁴. На средиземноморском побережье Анатолии это могли быть уже отдельные группы населения, этнически и по языку близкие к кругу народов хуррито-урарто-нахско-дагестанского мира.

Вероятно, древнее население, именуемое условно как носители «линейного письма А» на острове Крит или минойцы, могут быть отнесены к прасеверокавказскому кругу, который ареально и хронологически сопоставим с хаттским. Либо в лице минойцев следует видеть архаические следы народов, говоривших на языках афразийской макросемьи, относившихся к ливно-гуанчской (берберо-гуанчской) семье языков⁵. С учетом того, что на прасеверокавказском уровне имеются следы (предположительно, на уровне гипотез) активных языковых контактов между ливно-гуанчской и западнокавказской группами, контакты эти гипотетически можно допустить и в областях Эгеиды [11].

Проблема самых ранних этапов этнокультурной истории хаттов – сложноразрешимая задача. Считается установленным: хаттский язык относится к абхазо-адыгской, или западнокавказской группе языков –

³ Предполагается что взлет ряда нео- и энеолитических культур связан с расселением на Балканах с Анатолии групп населения прасеверокавказского круга, либо населения, которое в будущем дифференцировалось на прабаскую и прасеверокавказскую ветви. На гипотетическом уровне предполагают два основных сценария. Первый предполагает баско-северокавказскую миграцию в Европу, с последующим разделением ветвей. Второй – разделение этих ветвей в Южной Анатолии, где археологическим этноэквивалентом еще нерасчлененной баско-северокавказской общности выступает комплекс Чатал-Гююк. Далее прасеверокавказцы занимают области Центральной и Северной Анатолии, а также Западного Кавказа, а баскская ветвь мигрирует на запад, что приводит к неолитизации Европы.

⁴ Возможно, для областей Балкан и прилегающих районов Эгеиды, наличие каких-то ранних индоевропейских групп, а также групп, которые условно именуются «Тирренская языковая семья». Является ли эта семья древнесредиземноморских языков отдельной семьей языков, – автору сказать сложно. Однозначно – она неиндоевропейская, но и не обязательно должна быть отнесена к кругу прасеверокавказских языков, к примеру, к баскской группе.

⁵ Вероятно, схожие и с весьма архаичными реликтовыми языками дошумерского и досемитского населения Месопотамии (если последние два считать хронологически синхронными в этой области), которые условно именуются «банановый» язык. В частности, речь идет о «прототигридском» и «протоевфратском» субстратах.

которая, в свою очередь, входит в состав северокавказской семьи языков [1, 2, 3, 6, 16]. Сложнее определить хронологические рамки времени дивергирования хаттской ветви. Время этого дивергирования должно быть соотнесено с культурно-исторической реальностью и обликом празападнокавказской общности кануна отделения от нее раннего хаттского звена.

С учетом того, что хаттский непосредственно фиксируется в местах своего обитания уже как минимум с середины III тыс. до н. э., этот факт предполагает его нахождение там уже длительное время – как минимум, за 1000–1500 лет до фиксации письменными источниками⁶. Хронологическим ориентиром такого распада тогда следует считать время сложения металлических культур эпохи раннего энеолита Анатолии.

Таким образом, хаттский язык – ветвь, которая непосредственно дивергировала от празападнокавказского состояния еще на столь раннем этапе, который соответствует периоду распада прасеверокавказской общности, датируемого примерно периодом V тыс. до н. э.

Данная ситуация заставляет несколько иначе смотреть на проблему положения хаттов в системе западнокавказской общности – допуская несколько моделей, объясняющих этот факт. Возможно, в этом случае хатты либо образуют ветвь, непосредственно входившую в состав абхазо-адыгской группы, либо представляли отдельную ветвь – непосредственно входившую в северокавказскую семью.

Тогда получается: могла существовать наряду – например, с западнокавказской, восточнокавказской и вероятно хуррито-урартской группами – еще и хаттская группа. Которая все-таки могла быть несколько ближе к западнокавказской группе. Вероятно, в начальный период своего формирования хатты уже могли располагаться на прежней территории в области Центральной Анатолии.

Другой вариант предполагает: хаттский образует отдельную ветвь, которая даже непосредственно не входила в северокавказскую семью, а образовывала отдельную линию, напрямую включающуюся в синно-кавказскую макросемью, как бы минуя северокавказскую. Тогда, вероятно, наличие некоторых типологических и генетических параллелей между хаттским языком и языками абхазо-адыгской группы, объясняется не их непосредственным родством на уровне северокавказской

⁶ Данный временной диапазон принимается автором с учетом того, что письменные источники фиксируют хаттов как вполне сложившийся этнос. Такое возможно лишь тогда, когда происходит окончательное «оформление» всех признаков сложившегося этноса. Этот промежуток должен занимать примерно 1000–1500 лет.

семьи, а родством на уровне синно-кавказской макросемьи. Вероятно, этнокультурные параллели и параллели в материальной и духовной культуре тем самым следует связывать с географической близостью двух языковых групп — хаттской и абхазо-адыгской, наличием их очень ранних взаимных ареальных контактов.

Некоторыми специалистами место хаттского языка — в системе синно-кавказской макросемьи — отводится ближе к енисейско-бурушаскской ветви. Если исходить из такой модели, тогда хаттский язык не образует прямого родства с абхазо-адыгской (западнокавказской) группой (на уровне северокавказской семьи), а является отдельной — в прошлом многочисленной — группой, которая самостоятельно входила в синно-кавказскую макросемью, являясь отдельной семьей языков — наряду с синно-тибетской, северокавказской, баскской, на-дене, енисейско-бурушаскской и др. Данная модель в какой-то мере допускает возможность хронологически очень раннего формирования хаттов.

Возможен следующий гипотетический сценарий. Время распада синно-кавказской макросемьи — примерно XI тыс. до н. э., когда она разделяется на синно-на-дене и кавказско-баскско-бурушаскско-енисейскую ветви. Последняя в IX тыс. до н. э. распадается на северокавказско-баскскую и енисейско-бурушаскскую ветви.

Примерно к периоду нач. VII тыс. до н. э. происходит распад енисейско-бурушаскской ветви, среди которой имелся, видимо, импульс протохаттского звена⁷. Очевидно, в период конца мезолита и начала раннего неолита происходит активное заселение Центральной Анатолии, где и формируется облик хаттов, что позже будет зафиксировано письменными источниками.

Превалируют, однако, гипотезы о родстве хаттов с западнокавказскими языками. Возможен сценарий очень раннего отделения хаттов — либо как отдельной ветви, либо напрямую от северокавказского праязыка, — допустим, в начале V тыс. до н. э. Либо мы должны признать, что отделение хаттов произошло значительно позже от западнокавказского праязыка, что противоречит хронологии распада.

Возможен и другой вариант. Так как разделение отдельных ветвей западнокавказской общности, с учетом отделения хаттского звена, ока-

⁷ При всей гипотетичности данной модели, она могла бы объяснить некоторые очень ранние хронологические рубежи появления хаттов в Анатолии, однако эта модель наталкивается на трудности общеисторического характера, и сама гипотеза должна дать завершённую общеисторическую модель и подтверждение таким языковым связям.

зывается значительно старше времени дивергирования отдельных ветвей северокавказской общности, данное противоречие следует снять путем признания представления о том, что глоттогенез шел отличным путем, нежели этногенез. Тогда этногенетическая динамика может быть представлена следующей моделью.

Примерно в VII тыс. до н. э. уже более или менее гомогенные диалектные группы западнокавказской общности стали расселяться в областях, примыкающих к восточноциркупонтийской зоне. В это время, либо спустя 1500–2000 лет, происходит консолидация и интеграция населения, скажем так — будущих хаттов, в зоне, соответствующей их экологической нише в областях Центральной Анатолии. В то время как отдельные западнокавказские ветви еще остаются целыми и сосуществуют с хаттами хронологически на протяжении порядка, равного временному отрезку около 2000 лет — если исходить из того, что обособление пражавнокавказского языка произошло в 3800 гг. до н. э., а хаттский перестал функционировать примерно 2000–1900 гг. до н. э., но скорее — несколько позже.

Сегодня сложно судить о древнейших этапах становления той этнической картины в Анатолии, которая позже фиксируется письменными источниками. Для этого этапа специалисты могут опираться только на данные археологии, палеогеографии и палеоантропологии. Области, непосредственно примыкающие к зоне ареала хаттов, одни из древнейших очагов неолитического хозяйства. В эпоху раннего неолита здесь уже складывается мощный очаг земледелия и скотоводства, который датируется VIII–VII тыс. до н. э. Такие хрестоматийные памятники, как Хаджилар, Мерсин, Чатал-Гююк, уже представлены развитым производим хозяйством архитектурной домостроительной традицией [12, 9, 10, 11]. Наиболее важным, на мой взгляд, памятником является Чейюню-Тепеси, датируемый периодом 7250–6750 гг. до н. э. и относящийся к периоду раннего докерамического неолита А (PPNA).

Здесь представлен пласт материальной культуры, который находит аналогии в Понтийском регионе. В частности, обнаружены и мотыжки «Сочи-Адлерского» типа, датируемые периодом VIII–VII тыс. до н. э. Кстати, и домостроительство на самых ранних этапах представлено в Чейюню-Тепеси исключительно плетеными деревянными домами, обмазанными глиной [13, 14].

Предполагают, что районы севернее этого памятника — вплоть до севера Южного Причерноморья Турции — были представлены родственными памятниками, аналогичными Чейюню-Тепеси. Это не исключает (в том числе, вероятно, и этноязыкового) родства населения интересую-

щего нас района. Наличие мотыжек и домостроительной архитектуры наводит на мысль о культурно-исторических и этногенетических контактах с населением Западного Кавказа — с племенами прасеверокавказского, а позже празападнокавказского этногенетического круга.

Вероятно, население, оставившее поселение Чейюню-Тепеси, распространилось на север и запад — вплоть до Южного Причерноморья, и несло с собой навыки земледельческо-скотоводческой неолитической экономики, некоторые орудия труда (в частности, мотыжки «Сочи-Адлерского» типа), навыки домостроительства. Вероятно, население, оставившее этот памятник, относилось к кругу культур, этническим эквивалентом которой следовало бы считать какие-то нерасчлененные пока группы синно-кавказской макросемьи — возможно, уже представителей баскско-северокавказской общности⁸. Вероятно, расселение носителей культуры Чейюню отражает миграцию басков на запад, а северокавказцев — в центральную и северную Анатолию и на Кавказ⁹.

В дальнейшем, в конце VI — начале IV тыс. до н. э., идет процесс формирования локальных культур. С развитием металлургии и металлообработки во второй половине IV — начале III тыс. до н. э. эти различия усиливаются. Уже в III тыс. до н. э. идет сложение крупных комплексов обществ и потестарных структур, что видно и по погребальным памятникам. В некоторых областях это уже общество, идущее по пути становления протогосударственных образований.

Этот период дает нам возможность представить этнокультурную и этногеографическую картину полуострова Малая Азия. Данные археологии свидетельствуют: здесь складывалась на рубеже энеолита и ранней

⁸ Не с этой ли общностью связано распространение мегалитических культур в Средиземноморье и Причерноморье? Интересно и наличие первых в истории мегалитических комплексов в районе гипотетического нахождения баскско-северокавказского нерасчлененного ареала — речь идет о древнейших комплексах Гёбекли-Тепе, в котором можно видеть раннее свидетельство мегалитической традиции, имевшей продолжение в культурах средиземноморья, что связано с перемещением древнебаскской общности на запад.

⁹ Ряд специалистов предполагает: навыки производящей экономики были привнесены в Восточное Причерноморье племенами из более передовых ближневосточных центров. Даже не в неолитическом, а в энеолитическом облике. Климатический оптимум выразился в активном распространении здесь широколиственных лесов, способствуя распространению сюда свиноводства — примерно, в конце VII — начале VI тыс. до н. э. Предполагают, что первые очаги domestikации дикого кабана и собственно возникновение свиноводства происходило в Чейюню-Тепе.

бронзы палитра, которая отражает и разные этнические группы, населявшие области [4].

Среди них есть культуры, которые связываются с самыми древними насельниками Анатолии — хаттами, такими же потомками культуры Чейюню. Они осели в областях Центральной Анатолии. Постепенно здесь шло зарождение новой общности, которая уже тогда шла по своему собственному пути развития. И здесь уже в первой половине III тыс. до н. э. складываются высокоразвитые культуры. С процессом консолидации хаттов эта культура оформилась в виде такого эталонного памятника, как Аладжа-Гююк.

Культура Аладжа имеет продолжение в родственных культурах северо-восточных областей Малой Азии и понтийских провинций. Это, видимо, связано с наличием в этих областях родственного этнически хаттам населения, вероятно относящегося к западнокавказскому (абхазо-адыгскому) этническому кругу народов. Здесь есть такие аналогичные Аладжа-Гююк памятники, как Махматлар, Хороз-Тепе, Кюль-Тепе и др. Несколько позже начинается этап сложения протогосударственных образований, а в Кюль-Тепе — т. е. Канише, формируются первые в истории Анатолии государственные учреждения хаттов.

Большую роль в выяснении этногенетических связей имеют данные антропологии, в первую очередь — палеоантропологии. Для нас представляют интерес материалы палеоантропологии, происходящие непосредственно с территории, где нами постулируется ареал обитания хаттов, — и, вероятно, родственных им кашка и абешла. В контексте данной проблемы автором собраны литературные источники, касающиеся палеоантропологических находок с территории Турции. В основном, автор использовал материалы, хронологически охватывающие диапазон от 6000 до 1200 годов до н. э. То есть периода — от позднего неолита Турции, энеолита бронзы, вплоть до поздней бронзы ко времени гибели Хеттской державы¹⁰. Были рассмотрены серии с учетом их историко-культурной и, вероятно, этноязыковой атрибуции того населения, которым оставлены краниологические серии. Среди них серия из Чатал-Гююка — периода неолита, примерно 6000–5000 гг. до н. э.; далее — серия, которая условно именуется «N. Anatolien», т. е. «Северная Анатолия», 3150–2200 гг. до н. э. Затем — серии из Алишар-Гююк, одна 1400–1200 гг. до н. э., другая более раннего периода 2700–2200 гг. до н. э.

¹⁰ С учетом специфики работы автор дает лишь общую характеристику антропологического материала.

Серия из знаменитого города-некрополя, оставленного хаттами и известного как Аладжа-Гююк — периодом 2700–2200 гг. до н. э. Небольшая серия представлена из некрополя Кюль-Тепе, известного как Каниш, что интересно в связи с нахождением известного древнего торгового центра периода формирования классовых обществ на территории Анатолии. Данная серия датируется периодом 1800 гг. до н. э.

Еще одна значительная серия черепов — с территории устья у правого берега реки Кызыл-Ирмак на понтийском побережье Черного моря, на севере Анатолии. Отсюда, из некрополя Икиз-тепе, происходит серия черепов, которая датируется периодом конца ранней и средней бронзы включительно — примерно, временем 2600–2200 годов до н. э. Самой ранней из названных следует считать серию из Чатал-Гююка, датируемую эпохой позднего неолита — примерно, 6000–5000 гг. до н. э. Она представляет исключительный интерес — в связи с наличием характерных для нее некоторых архаических черт в морфологии черепа.

Краниометрические измерения свидетельствуют: для этой серии характерны морфологические черты, которые могут быть отнесены к так называемому евро-африканскому типу. Данный тип, несомненно, свидетельствует: здесь, в Южной Анатолии, присутствовали морфологические комплексы, архаичные черты которых следует искать в предшествующей палео-мезолитической эпохе.

Аналогичные черты встречены и в других частях древнего Ближнего Востока, включая территорию Западного Закавказья: в границах современной Западной Грузии на одном из черепов зафиксированы аналогичные «евро-африканские» комплексы. Данный факт свидетельствует: эти области входили в зону единого расогенетического процесса.

Из Чатал-Гююка происходит ещё ряд серий, которые можно охарактеризовать как протосредиземноморские долихокраничные группы и альпийские брахикраничные формы. Интересно то, что альпийские формы в нашем случае идентичны понятию балкано-кавказской расы. От той эпохи — краниологические и морфологические признаки черепов, с чертами балкано-кавказской расы; в расогенетическом аспекте населения как-то было связано судьбами с населением Кавказа и областей, прилегающих к Черноморскому побережью — где, собственно, и предполагается первоначальная область зарождения балкано-кавказской расы.

Тот морфологический комплекс, который несут группы населения, оставившие Чатал-Гююк, внес существенный вклад в антропологический облик населения Древней Анатолии — и в последующие периоды, в процессе своего расселения. В этом отношении представляет интерес палеоантропологическая серия, которая условно именуется как «Север-

ная Анатолия», что важно с точки зрения ее близости к территории Закавказья. Правда автору, к сожалению, не удалось определить по литературным источникам точное географическое местонахождение данной серии. Возможно, речь даже идёт о сборной серии. Она может сближаться с некоторыми типами балкано-кавказской расы.

Очевидно, для периода конца энеолита вплоть до средней бронзы на севере Анатолии были характерны расовые особенности, больше характерные для районов, прилегающих к большому понтийскому региону. В этой связи интересен материал, происходящий из Центральной Анатолии, в частности — серия черепов, добытая из Аладжа-Гююка периода расцвета хаттского общества, хронологически относящаяся к 2700–2200 гг. до н. э.

В целом хаттов можно характеризовать как представителей такого морфологического комплекса, для которого характерны очень узкое лицо, среднее положение орбит, небольшой лоб, узкий и высокий нос, средние размеры черепа, который может характеризоваться как мезокраний. Скорее, перед нами тип населения, который представлял подавляющую его часть в центральной Анатолии. Данный морфологический комплекс можно связать со средиземноморской расой, и хатты — её типичные представители. В отличие от более южных представителей этой расы, её отличают мезокrania, в то время как для классических форм средиземноморья характерна исключительная долихокrania. В то же время в лицевом скелете отчётливо просматриваются черты средиземноморской расы — узкое и высокое лицо, малые размеры орбит, высокий и узкий нос. Не исключено, что данный морфологический комплекс лицевого скелета сближает его с населением, в котором представлены и понтийские антропологические черты.

Еще одна серия интересна в том отношении, что происходит от места неподалеку от Аладжа-Гююка. Это серия из Алишар-Гююка, вероятно тоже оставленная хаттским населением, расположенным в непосредственной близости от Аладжа. Здесь хронологически представлены две группы. Одна связана с хаттским периодом и датируется 2700–2200 гг. до н. э. По морфологическим параметрам она во многом повторяет выборку из Аладжа-Гююка. Для серии черепов характерна мезокrania, достаточно малых размеров, скуловой диаметр, на котором как для женской, так и для мужской выборки характерна значительная узколицесть.

Однако некоторые параметры характеризуются большими размерами. Черепа из Алишар-Гююка кажутся более массивными. Проступают черты, очевидно связывающие эту серию с какими-то группами из се-

верных районов Анатолии. Верхнелицевой отдел несколько ниже и может свидетельствовать о средневисоком лице; носовой указатель мезоринный, то есть характеризуется средней шириной носа. Вероятно, черепа из Алишар выглядят менее грацильными, нежели серия из Аладжа, но различия не столь сильны, и, вероятно, серия из Алишар-Гуюка — небольшая локальная группа того же хаттского населения.

Интересно, что на протяжении длительного времени оставались стабильными такие параметры, как скуловой диаметр. То есть, несмотря на изменения параметров мозговой коробки, лицо оставалось средним по параметрам. На протяжении длительного времени обитатели характеризовались как узколицее население.

Исключительный интерес представляет довольно крупная краниологическая серия черепов, которая происходит с побережья Черного моря на севере Анатолии. Это некрополь Икиз-тепе, расположенный на правом берегу р. Галис, в устье при впадении её в море. Серия датируется 2600–2200 годами до н. э. Вероятно, мы имеем дело с серией, оставленной коренными обитателями Понтийского Причерноморья, — м. б., каска и абзшла. Расово-морфологические особенности черепов из Икиз-тепе скорее свидетельствуют в пользу того, что это также представители большой средиземноморской расы, но относящиеся к несколько иному ее локальному варианту, который больше тяготеет к области распространения балкано-кавказской расы. Ряд особенностей в морфологии лицевого скелета допускает его близость к одному из вариантов этой расы — понтийской; и, вероятно, должен тяготеть к антропологическим типам восточного Причерноморья.

Антропологические данные показывают, как и ожидалось, что для столь обширного региона, как Анатолия в эпоху энеолита и бронзы, было характерно наличие групп населения, которые были представлены локальными вариантами и типами средиземноморской расы. Это, несомненно, отражает сложные процессы расогенеза, исторические связи населения.

Самая ранняя серия, которая приурочена к Чатал-Гуюку, несет некоторые морфологические особенности, которые имеют продолжение в серии, условно именуемой как «Северная Анатолия». Возможно, это свидетельствует о том, что на завершающем этапе культуры Чатал-Гё группы расселялись не только на запад в сторону Балкан, но и на север Анатолии, неся с собой эти физические признаки.

Очевидно, аналогично Чаталу в Анатолию проникало население, оставившее поселение Чейюню-Тепеси. Далее шел процесс дифференциации населения, который длительное время сочетался с определенны-

ми этапом стабильного развития на новом месте. Так, уже в начале энеолита в населении древней Анатолии выявляются определенные (четко территориально дифференцированные) краниокомплексы, которые локально по отдельным признакам характеризуют ту или иную группу населения. Но в целом они несут в себе морфологический комплекс, не выходящий за рамки средиземноморской расы.

Так, в Центральной Анатолии, которую мы связываем с зоной расселения хаттов, этот комплекс характеризуется умеренной мезокрапией с очень узким и высоким лицом, высоким и узким носом. Очевидно, в лице хаттов можно видеть представителей средиземноморской расы, отдельные признаки которой мы наблюдаем в Месопотамии, Загросе и в отдельных областях Кавказа. Другие серии из Центральной Анатолии в целом не меняют картины — за исключением менее грацильных форм. Более поздние типы из этой же области рисуют нам несколько иную картину: здесь ощутимо влияние несколько иного морфологического брахикранного, низко- и широколицего комплекса.

Автору сложно определить причину этого явления. Вероятно, здесь наложились исторические факторы, связанные с миграциями населения в эпоху конца новохеттского царства; или имели место эпохальные сдвиги в сторону, например, увеличения головного указателя и расширения скулового диаметра; либо синхронное наложение двух этих факторов.

Известно, что в Средиземноморье и на Кавказе, к примеру, эпохальные изменения идут за счет ряда параметров мозговой коробки и лицевого скелета. Среди серий, происходящих непосредственно с Черноморского побережья Турции, в частности — из некрополя Икиз-Тепе с очевидностью просматриваются черты, больше связанные с населением побережья Понта. Они были характерны для населения, оставившего нам поселения эпохи энеолита и бронзы на черноморском побережье Турции. Это весомо подтверждается и тем, что археологические культуры понтийского побережья больше тяготеют в культурно-историческом плане к территории кавказского Причерноморья. Эти комплексы отчетливо проявляются в керамике. Здесь прослеживаются традиции протоколхидской и колхидской культуры — например, такие памятники, как Дондар-Тепе, Демирчююк и т. д.; и в том же Икиз-Тепе, в котором представлена солидная серия черепов. Серия отражает еще один морфотип средиземноморской расы, который был характерен для населения анатолийского и кавказского Причерноморья; и который известен как понтийский тип балкано-кавказской расы.

Вышеизложенный антропологический материал имеет большое этногенетическое значение. Он свидетельствует о местном автохтонном развитии древнего населения Анатолии. Здесь шел процесс незначительной перестройки расово-морфологических типов средиземноморской расы, представлявших собой развитие местных типов аборигенного и автохтонного населения.

Очевидно, уже с эпохи неолита шел активный процесс заселения горных долин вдоль речных артерий или побережья отдельными представителями средиземноморской расы; после оседания в природных и экологических нишах шел процесс последующей внутрилокальной антропологической дифференциации населения, генетически родственного. Мог сложиться такой сценарий, когда неолитическое население, относившееся к архаическому облику представителей западнокавказской этногенетической общности, будучи носителем морфологического комплекса средиземноморской расы, постепенно дифференцировалось, отдельные звенья осваивали свои экологические зоны. Хатты заняли преимущественно центральную, отчасти — северо-восточную Анатолию; каско-абешлайцы — регион понтийского побережья; абхазо-адыги — Восточное Причерноморье и Северо-Западный Кавказ.

Какова же реальная картина первоначальной этнической истории общества в той части Анатолии, где мы и локализуем хаттов?

Этногенез — сложный диалектический процесс, поэтому сложение и формирование этнического облика хаттов закономерно должно выглядеть как многокомпонентный процесс разновекторного проникновения отдельных древних коллективов людей из различных районов. Шли процессы смешения и разделения коллективов, вовлечения в единое языковое и культурное пространство порой инородных в культурном антропологическом и языковом плане групп.

Языковая классификация фиксирует лишь исторические взаимоотношения и связь родственных языков, но не отражает реальную этногенетическую модель в виде языкового древа. Графически и при лучшем приближении сложение народа, или этногенез, скорее выглядел бы как сложная система, трехмерная сетевидная модель каждой из линий которой отражала бы тот или иной компонент и направление связей.

Для понимания хронологии начального этапа выделения хаттской ветви и ее представителя — хаттов, вероятно не единственного в этой ветви, автором может быть представлена следующая гипотетическая этногенетическая модель.

Уже в конце мезолита, в начале раннего докерамического неолита «А», у восточных границ с Анатолией идет активный процесс сложения

производящих центров [16]. Это событие коррелирует с естественно-историческими процессами, когда в эпоху раннего голоцена происходит уменьшение площади озерных водоемов на Центрально-анатолийском плато. Болотистые зоны, окаймлявшие эти озерные котловины, под воздействием климатических процессов — в частности, увеличения температур, сокращались в размерах, высвобождая значительные территории. Климатические процессы первых фаз голоцена, с одной стороны, привели к повышению влажности и увеличению тепла, что способствовало обилию произрастающих дикорастущих злаков, а значит — и экологической адаптации к среде живших в Переднеазиатских нагорьях древних людей. Это привело к зарождению земледелия — в частности, Чейюню. С другой стороны, в противоположность этому в Центральной Анатолии происходит увеличение сухости, а значит — сокращение и высвобождение площадей от болот и озер, способствующие проникновению на открытые низины древних земледельцев. Возможно, это и были предки хаттов.

Примерно в этот же период происходит становление таких центров и в Южной Анатолии. Это, возможно, следует связывать с продвижением населения из раннеэнеолитических центров, с которыми можно связать Чейюню-Тепеси; а также, очевидно, из областей восточного побережья Средиземного моря.

Здесь возможен следующий сценарий развития культур. Истоки зарождения древней хаттской группы, исходя из историко-культурной ситуации, следует связать с создателями древнейшей неолитической экономики. Ареал сложения этих центров — соответственно, протохаттского населения — следует связать, как указывалось выше, с культурой Чейюню. Носители этой культуры продолжили развитие после расселения на север, где они известны как носители культуры Шулавери и Триалети. Их западным звеном, следовательно, и была хаттская ветвь. Время зарождения этой культуры соответствует РРНА, хронологически — 9800–8800 гг. до н. э. — кануну распада прасинно-кавказской общности; и отражает дальнейшее продвижение на запад в Средиземноморье носителей прабаскской общности. Возможно тогда они и получают на южной периферии соприкосновение с культурой Мюрейбит, т. е. позднего Натуфа.

Сложно сказать, связано ли влияние праафразийской общности. Оно, вероятно, отражает процесс расселения населения, этнически и по языку связанного с гипотетическими синно-кавказскими группами; возможно — даже отдельных групп праафразийской макросемьи. В то же время отмечается активное заселение Центральной и Южной Анатолии и

Восточного Причерноморья, что как-то связано с разделением баскско-северокавказской ветви. Примерно в VII тыс. до н. э. население Центральной Анатолии обладало развитым земледелием, скотоводством и находились уже на пороге открытия древнейшей металлургии меди, которую сюда принесли жители Чейюно-Тепеси¹¹.

Развитие хозяйства на начальных этапах носило интенсивный характер, что приводило к постепенному освоению зоны Центральной Анатолии. Со временем изменялась вся система поселений и расселения — при освоении населением плодородных долин горных рек, которое постепенно спускаясь на плодородные равнины, проникло в бассейн р. Галис, достигнув её нижнего течения и прочно освоив излучину. Это способствовало интеграции местного населения при постепенном освоении плодородных плато и равнин. Рост численности населения закладывал основы для сложения отдельного мощного очага с единым хозяйственным стереотипом, основанным преимущественно на пашенном земледелии и отгонно-пастбищном скотоводстве.

В географических границах этой экологической ниши складывался единый очаг этногенетической непрерывности, формировались цепочки поселений, с общим эндогамным кругом брачных связей, очерчивая тем самым границы этногенетического очага сложения древнего народа — хаттов. Процесс этот занимал длительный промежуток, был растянут во времени, и если исходить из общей историко-культурной ситуации, подкрепленной данными археологии, он падает на начало сложения раннего неолитического хозяйства вплоть до раннего энеолита.

Видимо, аналогичные процессы охватывали и соседние районы — к примеру, Северо-Восточную Анатолию, Южное или Понтийское Причерноморье, далее — по побережью в сторону Кавказского Причерноморья, заселенного некими древними кавказскими языковыми группами охотников и собирателей эпохи мезолита. Здесь происходил и процесс сложения других празападнокавказских групп. Затем в ходе неолитической революции начался процесс изменения в системе расселения, торгово-обменных связей, направления круга брачных связей, что способствовало формированию зон-сгустков, внутри границ, которых эти связи носили наиболее интенсивный характер.

¹¹ Раннее знакомство с металлами расположено в зоне, где предположительно можно искать и район, где осуществлялось сложение прасеверокавказской общности. Вероятно, это не случайно подтверждается богатой металлургической терминологией в исходной лексике прасеверокавказского языкового уровня.

Несколько иначе подобные этногенетические процессы отражались в языках. Если этногенез населения, или относительно близкородственных групп, происходил за счет постоянной конвергенции и смешения, то этот же процесс формировал и единое информационное поле. А значит, происходило сложение относительно обособленных языков — с той или иной степенью близости между собою. Формирование языков, или глоттогенез, выглядел в идеальном виде — как процесс дифференциации, и если его представить наглядно графически, — как генеалогическое языковое древо.

Но это древо не обязательно должно было отражать модель этногенеза по принципу расхождения народов в процессе их ранних этапов этногенеза. Происходила и дивергенция хаттской ветви языка — на фоне внутриочагового, генетического, антропологического и культурного этногенетического смешения. Время этого процесса: конец мезолита — начало неолита. В эпоху начала энеолита до примерно V тыс. до н. э. и вплоть до начала II тыс. до н. э. хатты существовали как отдельный этноязыковой массив.

В данном хронологическом диапазоне, видимо, шло формирование и остальных звеньев празападнокавказской общности. Отдельная проблема, о которой сложно пока что-либо сказать, пространственно-хронологические модели взаимодействия хаттской и других западнокавказских групп.

Существует несколько вероятных сценариев пространственной локализации хаттов. Начнем с того, что хаттский не обнаруживает в своем ареале каких-либо чужеродных топо- и ономастических пластов, которые могли бы свидетельствовать о том, что здесь был какой-то до хаттский субстрат, который предшествовал хатам; если, конечно, отвлечься от сверхглубоких хронологических уровней, заходящих за палеомезолитический период, об этнической природе его мы ничего не знаем.

Возможны следующие сценарии. Первый предполагает, что хатты (правильнее сказать — отдельные гипотетические группы населения, которые в будущем формируют облик хаттов) в момент своего раннего дивергирования от празападнокавказского состояния (скорее, даже синно-кавказского) расселялись вдоль побережья на запад и север, проникая отдельными потоками в ущелья, продвигаясь в Южное Причерноморье.

Происходило это путем проникновения из среднегорных областей с постепенным спуском через горные речные долины, до побережья Черного моря. Так они могли проникнуть и в бассейн р. Галис, Ешиль-Ирмак и другие области Анатолии. Этот импульс исходил из областей,

близко расположенных от первоначальной празападнокавказской прародины на Кавказе, постепенно осуществлялся на юг. Время этого процесса — конец энеолита и начало бронзы.

Другой сценарий предполагает: хатты — предки абхазо-адыгских народов. После их миграции из Анатолии на север и северо-восток оставшиеся в Анатолии представители западнокавказской общности продолжили существование, стали известны позже как хатты. Происходит тот же сценарий расселения носителей западнокавказцев — только в обратном направлении, вдоль побережья Чёрного моря на север, с постепенным заселением бассейнов и устьев рек Западного Кавказа.

Еще один момент, который не всегда учитывается специалистами. Речь идет о том, что представление о хаттах как о прямых предках абхазо-адыгских народов предполагает некую стадиальную модель их развития и этногенеза. То есть: предок всегда предшествует потомку. В этом смысле, если хатты предки абхазо-адыгов, они должны быть хронологически разновременны. Но этому противоречит ряд обстоятельств. Во-первых, хронология исторического существования хаттов не согласуется с тем фактом, что, по данным лингвистики, разделение адыгов, абхазов и убыхов произошло сравнительно рано, почти синхронно с временем, когда исторически фиксируются хатты. Но этого не могло быть, если бы хатты выступали в качестве предков абхазо-адыгов.

Этому можно дать следующее объяснение. Хатты дивергировали хронологически синхронно по времени с остальными звеньями западнокавказской общности, и дивергенция происходила не путем пространственного размежевания или иммиграции отдельных звеньев общности, а лишь диффузной дивергенцией, и постепенным обособлением отдельных сгустков или пучков внутри общего ареального массива общности.

Это подтверждается тем фактом, что *хаттский* выступает источником заимствования ряда культурных терминов, которые он передает отдельным абхазо-адыгским группам. Это допускает — после распада празападнокавказской общности — сосуществование на определенном хронологическом отрезке времени отдельных ее звеньев, в целом прилегающих к области Восточного Причерноморья.

...Примерно таким состоянием этногенетических исследований мы можем довольствоваться на данном этапе. Несколько позже, с начала II тыс. до н. э., хатты переходят на язык анатолийской группы индоевропейской языковой семьи. Они принимают участие в этногенезе нового народа — хеттов. Этот этногенез занял примерно четыре или пять столетий — в хронологических рамках от XX по XVIII-

XVII вв. до н. э. Происходит культурный симбиоз носителей индоевропейского языка, известных как неситы. Путем постепенной незначительной инфильтрации индоевропейского населения в хаттскую среду происходит постепенное этногенетическое смешение. Вероятно, начинается процесс активных брачных контактов, и через несколько поколений происходит переход большей части хаттов на индоевропейскую несситскую речь.

После смены нескольких маргинальных поколений происходит эволюция этнического сознания, постепенное трансформирование этничности. К началу XVII в. до н. э. население полностью переходит на несситскую речь; хаттский язык выходит из повседневного употребления. Симбиоз приводит к тому, что на фоне этнического и языкового взаимодействия между несситами и хаттами происходит формирование политических и государственных институтов, которые усиливаются в рамках еще хаттских политических образований, в основном — городов-государств. Формирующийся народ вбирает в себя традиции государственности, многих религиозных институтов, материальную и духовную культуры предшественников хаттов.

Для последующих поколений хеттов индоевропейство воспринимается как часть своего духовного, материального и культурного наследия. Оно выразилось и в том, что полностью сохраняется за перешедшим уже на индоевропейскую несситскую речь старое название страны — политонима Хетти и основного этнонима Хатти. С этого момента собственно хетты, как новый народ на исторической арене древней Анатолии, предстает скорее как перешедший на новый язык физически предшествовавших несситам хаттов. Поэтому и антропологически хатты, по сути, ничем не отличаются от хеттов — вопреки утверждению ряда специалистов.

В начале II тыс. до н. э. хаттский язык исчезает, становится мертвым языком культа и религиозных церемоний. Вероятно, где-то на окраинах и в труднодоступных районах Анатолии все же сохранялись реликтовые островки, продолжала звучать в повседневности живая разговорная хаттская речь, которая использовалась в быту, возможно, вплоть до середины I тыс. до н. э. Затем и она исчезает, этот язык становится мертвым, забытым. Во всяком случае, письменными источниками хаттский язык не фиксируется.

Список использованных источников

1. Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник III. История и филология стран Древнего Востока. — М., 1979.

2. Браун Ян. Хаттский и абхазо-адыгские языки // Нартский эпос и кавказское языкознание: материалы VI Международного майкопского colloквиума Европейского общества кавказоведов. – Майкоп, 1992.

3. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. – М., 1967.

4. Дьяконов И.М., Янковская Н.Б., Ардзинба В.Г. Хеттское царство и Эгейский мир // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

5. Дьяконов И.М. Создатели земледельческой и скотоводческой экономики // Древний Восток. – М., 1981.

6. Иванов В.В. К проблеме языковой принадлежности носителей культур Линеинно-ленточной керамики и Лендзельской культуры центральной Европы V–IV тыс. до н. э. Античная Балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии: предварительные материалы к международному симпозиуму. – М., 1984.

7. Иванов В.В. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. Древняя Анатолия. – М., 1985.

8. Масон В.М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики. Археология Старого и Нового Света. – М., 1982.

9. Масон В.М. Неолит Южной Турции. Археология Старого и Нового Света. – М., 1966.

10. Масон В.М. Первые земледельцы Месопотамии (к проблеме происхождения) // ВДИ. – 1971. № 3.

11. Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-северокавказская культурная лексика. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984.

12. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. – М., 1981.

13. Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. – М., 1983.

14. Федоров Я.А. Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита // Вестник МГУ. – 1973. № 5.

15. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. – 2002. № 1.

16. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. – М., 1989.

17. Зализняк Л. О трипольцах, семитах и нардепах-трипольеводах. Режим доступа: <http://gazeta.zn.ua/>